

С того момента, как перед поездкой на чёрный рынок его отправили за границу, прошло уже почти четыре месяца. Конечно, Чэнь Син был из тех, кто умел выживать в любых условиях — с его характером он мог найти общий язык с кем угодно, в любой стране, в любом обществе, но всё равно... Дом — это другое.

Вчера, когда они разговаривали по видео, Ци Хань заметил: он сильно сдал. Лицо осунулось, глаза тёмные, усталые, голос какой-то глухой, будто слова приходилось вытаскивать через силу.

Чэнь Син всегда был его полной противоположностью.

Если у Ци Ханя угрюмый, резкий нрав не менялся вот уже десять лет, то Чэнь Син ещё с детства носил маску весельчака, лёгкого, открытого парня, который знал, когда стоит улыбнуться, а когда промолчать, когда пошутить, а когда лучше отступить. Он умел ладить с людьми, с любым человеком рядом он создавал ту самую «комфортную атмосферу».

Но всё это было напускное.

Домой он возвращался другим. Беззвучным, погружённым в себя, порой молчаливым до ужаса.

Это не было чем-то новым — он давно жил так. Закрытость, вечная потребность угодить всем вокруг, патологическая неспособность позволить кому-то увидеть его слабость... Всё это осталось ему в наследство от Ци Чуана.

И вот уже сколько лет прошло, а он так и не позволил себе привязаться к кому-то настоящему.

Он убедил себя, что если ему всё равно, то ему никто и не сможет причинить боль.

А насколько это правда, знал только он сам.

Дождь снова начал капать, мягкие капли стучали по лобовому стеклу. Ци Хань поднял стеклоподъёмники, набрал номер и коротко бросил в трубку:

— Четверо человек. Чтобы были в аэропорту до посадки.

Фу Гэ услышал это через блютуз, тут же насторожился.

— Ты что, охрану зовёшь? Там опасно?

Ци Хань коротко рассмеялся:

— Нет. Просто хочу устроить Чэнь-шао эффектное возвращение.

В этот момент он вспомнил тот самый видеозвонок перед свадьбой.

Глупый мальчишка каким-то образом что-то пронюхал. Узнал. Сложил воедино.

Когда он принял звонок, Чэнь Син молчал.

Глаза покрасневшие, опухшие, на столе перед ним — разбросанные сигаретные окурки. В одной руке он держал бутылку, во второй стакан, но пил прямо из горлышка, алкоголь срывался с краёв, тек по пальцам, смешивался с бесшумными слезами, размывая всё в одну сплошную влажную кашу.

Он глотнул, судорожно провёл ладонью по лицу и только потом заговорил.

— Гэ... Почему вы все такие, а?

Его голос был каким-то пустым, как у человека, который уже смирился со всем, кроме самого главного.

— Мой парень уходит от меня. И я узнаю об этом последним.

Он сжал пальцы, но продолжил.

— Мой брат идёт на смерть. И я опять последний, кто об этом узнаёт...

— Вы никогда мне ничего не говорите.

Голос дрожал.

— Всегда скрываете от меня всё. Всегда. И вечно, мать вашу, твердите, что это ради меня, что так лучше для меня.

На экране Чэнь Син покачнулся, не удержав равновесие, бутылка с глухим стуком упала на пол, катясь куда-то за кадр. Теперь ничто не мешало слезам — они текли беззвучно, обжигали кожу.

И вдруг он резко, неожиданно усмехнулся, скользнул ладонью по лицу, коротко фыркнул и выдохнул с горечью:

— Но ведь вы знали.

Губы его дрогнули, голос оборвался, но он заставил себя говорить дальше.

— Вы все знали с самого начала.

Он мотнул головой, не в силах справиться с закипающими эмоциями.

— Я... Я...

Голос задрожал, и он осёкся, цепляясь за воздух, словно за соломинку, но внутри уже было пусто, слишком пусто, чтобы можно было за что-то удержаться.

Аэропорт был освещён ровным искусственным светом, отражавшимся от идеально вымытого пола.

Ци Хань приехал заранее, на двадцать минут раньше посадки. Успел спокойно расположиться в зале ожидания, лениво перекинув ногу на ногу, но стоило только опустить взгляд, как из толпы ему навстречу вышел незванный гость.

Ци Чуань.

Чёртов Ци Чуань.

Тот двигался расслабленно, не спеша, с вежливой полуулыбкой, словно случайная встреча. Подойдя ближе, чуть наклонился вперёд, протянул руку.

— Ци-сань, — с лёгкой усмешкой произнёс он. — Даже вы оказались здесь раньше, чем я.

Ци Хань взглянул на него холодно. Даже не двинулся.

— Ци Чуань. — Голос у него был ленивый, чуть растянутый, будто он говорил не с человеком, а с каким-то незначительным препятствием, которое было слишком жалко, чтобы тратить на него эмоции. — Если считать по Сяо Гэ, мне бы стоило называть тебя «братом». А если считать по Сяо Сину...

Он небрежно опустил взгляд, оценивающе, словно прикидывал, стоит ли продолжать.

А потом улыбнулся, медленно, тягуче, как будто змея шевельнула хвостом.

— Если по Сяо Сину, то я, скорее, должен отдать приказ набить тебе морду и выкинуть в речку.

Губы Ци Чуаня дёрнулись, улыбка соскользнула с лица.

Он не убрал руку сразу, но потом, заметив, что тот даже не собирается её пожимать, медленно опустил её обратно, сел рядом.

А потом, после паузы, тихо спросил:

— Ты знал?

Ци Хань лениво сменил ногу, перекинул её на другую, даже не глядя в его сторону, а потом, не торопясь, заговорил:

— Ты ушёл шесть лет назад. Ушёл быстро, не оставив ни единого слова. Три месяца он искал тебя, не ел, не спал, землю переворачивал, но ты словно сквозь неё провалился.

Ци Чуань опустил взгляд.

— Я... Мне пришлось.

Ци Хань усмехнулся.

— Да? Странно. Вон, Сяо Син, как ты его называешь, тебе тогда всю ночь названивал.

Глаза Ци Чуаня дрогнули.

— Ты был здесь?

— На четвёртый месяц. — Он кивнул. — Но не нашёл его. Он уезжал к бабушке?

Ци Хань медленно качнул головой.

— Нет.

Тишина.

Ци Чуань нахмурился, глаза его сузились.

— Тогда... Где он был?

Ци Хань закрыл глаза, медленно провёл пальцами по виску, будто отмахиваясь от ноющей головной боли.

А потом, чуть медленнее, чем обычно, произнёс:

— Его бабушка упала с балкона. Он звонил тебе всю ночь, но ты не взял трубку.

Ци Чуань застыл.

Ци Хань даже не посмотрел на него.

— Потом он выпил две бутылки.

Ци Чуань резко вскинул голову, губы его приоткрылись, но ни звука не сорвалось с них.

— Потом он пошёл к мосту.

Воздух в зале вдруг стал слишком густым, слишком вязким, холод прокрался под одежду, забрался под кожу, проник в кости.

Ци Чуань так и не смог выговорить ничего.

Но вдруг в дальнем конце зала раздался шум. Они оба одновременно подняли головы.

Чэнь Син.

Он выбежал из ворот, таща за собой чемодан, распахнутую куртку, растрёпанные волосы, но на лице — радостная улыбка, широкая, искренняя, живая.

— А-Хань, я, блять, вернулся!!!

С разбега влетел в его объятия, чуть не сбив с ног, захохотал, крепко обнял его, вдохнул, уткнувшись носом в плечо.

— К чёрту Америку, я сдох бы там, если бы не вернулся! Клянусь, там невозможно жрать это дерьмо!

Тут же отлепился и с силой притянул Ци Чуаня, хлопнул его по плечу.

— Слышь, я всё знаю! Ты и Сяо Гэ — да вы звери, а не люди. Как вообще придумали ТАКОЕ? План просто бомба, уебки!

А потом вдруг сощурился, чуть отстранился, в глазах блеснул хитрый огонёк.

— Так это ты специально вернулся? Помочь ему? Поэтому врал мне про свадьбу? Ну что, братец, в этот раз ты с кем?

Чэнь Син улыбался.

Широко, беззаботно, будто вопрос вылетел сам собой, без малейшего подтекста, просто дежурная реплика, ни к чему не обязывающая, без злобы, без грусти.

Но Ци Хань видел.

Видел, как у него горели глаза, как вздрагивали плечи, как спрятанные в рукавах руки сжались так, что, казалось, ногти могли вонзиться в ладони.

Он держался.

Как маленький хищник, что не должен показывать слабость.

Ци Чуань всё ещё не мог до конца прийти в себя, губы чуть разомкнулись, но из них вырвался лишь пустой, потерянный звук.

— Да...

Тишина повисла в воздухе.

А потом Чэнь Син моргнул, замер, будто что-то обдумывал, и вдруг хлопнул его по плечу, уголки губ приподнялись в усмешке.

— Да ладно! — Он рассмеялся, с показной легкостью бросил: — А я-то думал, ты вернулся, чтобы мы наконец потрахались!

Я думал...

Что в твоём возвращении есть хотя бы капля смысла, связанная со мной.

Я думал...

Но, похоже, снова ошибся.

Он даже не дал Ци Чуаню возможности что-то сказать. Просто резко развернулся, кинул чемодан Ци Ханю и, уже не оборачиваясь, махнул рукой.

— Не ждите меня сегодня! Мой маленький зайка ждёт в 303, а ночь — короткая.

Он шёл быстро, слишком быстро, почти сбивая шаги.

Сделал пару шагов, но тут же запутался в собственном чемодане и неуклюже полетел вперёд.

— Сяо Син!

Ци Хань рванул вперёд, подхватил его прежде, чем он ударился, но едва успел, как тот поднял на него взгляд.

Улыбка всё ещё была на лице, но в уголках глаз уже собрались слёзы.

Он судорожно сглотнул, а потом охрипшим голосом выдохнул:

— Гэ...вот сука... Помоги мне.

Голос был тихий, до омерзения честный, до боли живой.

— Я просто... хочу, чтобы это выглядело достойно.

Ци Хань закрыл глаза, стиснул зубы, а потом, вздохнув, резко поднял его на ноги.

Одним жестом дал знак охране, и когда Ци Чуань уже собирался сделать шаг вперёд, загородил ему путь.

— Ци-сань, — сказал он с хищной улыбкой, — я подкину тебя до дома.

Чэнь Син не поехал домой.

Он никогда не ехал домой после командировок.

Сколько лет ни прошло, он всегда первым делом направлялся в тот самый дом, в тот самый подъезд, в тот самый коридор.

Он небрежно говорил об этом Ци Ханю, шуточно, с ленивой усмешкой:

«Знаешь, эту многоэтажку можно переименовать в Чэнь-сити. Тут народу столько, что я их уже по номерам запоминаю».

303.

Тот самый, что всегда на слуху.

Он поднялся в лифте, не глядя по сторонам, пальцы сжали магнитный ключ, он шагнул в коридор, медленно дошёл до двери.

И застыл.

Стоял так долго, что успел бы замёрзнуть, если бы не жар, который кипел внутри.

Потом провёл ладонями по лицу, будто стирая что-то ненужное, дёрнул уголки губ в улыбке и глубоко вдохнул.

— Я вернулся.

Ожидаемый любовник не стоял у двери. В пустой комнате, помимо стола и стульев, не было ничего – ни намёка на уют, ни следов жизни. Тьма окутывала всё, поглощая очертания, пока внезапный щелчок не разорвал тишину. Лампочка вспыхнула, заливая стены холодным светом.

Фотографии.

Они покрывали всю поверхность – бесчисленные, хаотично наложенные друг на друга, в каждом ракурсе, в каждом выражении. Лицом вперёд, в профиль, смеющийся, раздражённый, неуловимый. Голова шла кругом от этого роя лиц, от их нестерпимого множества.

Фотографии Ци Чуаня.

Та первая, глупая, обжигающая юность длилась всего пять месяцев. Восемнадцать лет – возраст, когда ничего не понимаешь, но запоминаешь навсегда. Теперь от неё остались только эти снимки, покрывающие стены. Он даже не смел произнести вслух, как скучает, – вместо этого с ленцой тянул:

— Эй, 303.

Рука сама привычно потянулась к бутылке. Налил, улыбаясь, бездумно болтая сам с собой – рассказывал, как за границей попал в передрагу, делился нелепыми историями, словно мальчишка, вернувшийся из долгого путешествия, стряхивающий пыль с ботинок и делящийся никому не нужными, но для него важными воспоминаниями.

Но глоток так и не был сделан.

Первая слезинка сорвалась неожиданно, сорвав дыхание. Он застыл, будто не узнав самого себя, провёл ладонью по щеке, стирая предательство собственного тела.

В этот момент в тишине дважды звякнул дверной звонок.

Ци Хань.

Чэнь Син быстро поставил стакан, бросился к двери. Дернул за ручку – и застыл.

Человек, чьё лицо запечатлено на сотнях снимков, стоял перед ним, живой.

<http://bllate.org/book/14453/1278376>